

РУССКИЕ КРИТИКИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

*Дарья Шахова,
Игорь Евлампиев*

Санкт-Петербургский государственный университет

Проводятся параллели между критикой русских мыслителей XIX в. основ западной либеральной цивилизации и суждениями современных авторов, усматривающих кризисные черты в развитии западного общества. В.Ф. Одоевский доказывал, что общество, основанное на принципе пользы и культе материальных ценностей, препятствует стремлению людей к духовным ценностям. Об этом же пишут современные критики неолиберализма: идеал саморегулирующегося рынка, призванного обеспечить преуспевание всем членам общества и развитие общества в целом, в том числе и в духовной сфере, строится на концепции человека как активного и деятельного существа, однако в реальности конкуренция ведет к примитивизации и ожесточению людей, причем, отказываясь от жесткой конкуренции, они добровольно занимают маргинальную социальную позицию, которая ведет к их личностной деградации. Согласно Б.Н. Чичерину, либеральное государство ради самосохранения должно манипулировать сознанием граждан, установив контроль за их поведением. Эти же процессы, свидетельствующие о превращении западного либерального общества в тоталитарное, зафиксированы и в коллективной монографии «Демократия в беде: международное расследование»: быстрый рост независимых источников информации ведет к тому, что человек не может самостоятельно оценить ее объективность и легко принимает любую точку зрения.

Ключевые слова: русская общественно-политическая философия, кризис либеральной цивилизации, В.Ф. Одоевский, Б.Н. Чичерин.

The article draws parallels between the criticism of Russian thinkers of the 19th century of the foundations of Western liberal civilization and the judgments of modern authors who see crisis features in the development of Western society. V.F. Odoevsky argued that society based on the principle of benefit and the cult of material values contradicts people's aspirations for spiritual values. Modern critics of neoliberalism write about the same thing: liberalism understands man as an active and active being, and the ideal of a self-regulating market is based on this principle, which should provide prosperity for all members of society and development of society as a whole, including in the spiritual sphere; but in reality competition leads to primitivization and hardening of people; besides, they, finding themselves from rigid competition, willingly take up a marginal social position, which leads to their personal degradation. B.N. Chicherin showed that the liberal state for self-preservation must manipulate the minds of citizens, striving for complete control over their behavior. These same processes, indicating the transformation of Western liberal society into a totalitarian one, are also recorded in the recently published collective monograph "Democracy in trouble: an international investigation": the growth of independent sources of information leads to the fact that people cannot independently assess its objectivity and become a plaything in the hands of those who impose the necessary point of view on them.

Keywords: Russian social and political philosophy, crisis of liberal civilization, V.F. Odoevsky, B.N. Chicherin.

© Шахова Д.С., 2022

© Евлампиев И.И., 2022

<https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.172>

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00153, Санкт-Петербургский государственный университет).

1

Русские философы с первых десятилетий XIX в. начали резкую критику западной либеральной цивилизации. Несмотря на ее кажущуюся прямолинейность и наивность, она оказалась удивительно точной и пронищательной (подробнее см. [2]). Даже краткий обзор современных исследований, обращающих внимание на проблемы в развитии западного общества, позволяет увидеть сохраняющуюся актуальность этой критики в наши дни.

Сомнения в благополучных перспективах Запада можно уловить уже в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева, заложивших основу оригинальной традиции русской мысли. Чаадаев считал индивидуализм и культ независимости отдельной личности разрушительными для любой социальной системы, тем не менее он прямо не называет западное общество в качестве объекта своей критики, поэтому эта критика не столь очевидна и показательна.

Но уже В.Ф. Одоевский совершенно недвусмысленно говорит о неизбежном крахе общества, построенного на принципе пользы, т. е. на чисто материальных ценностях. В новелле «Город без имени», входящей в качестве составной части в его известное произведение «Русские ночи», он создает едкую карикатуру на американской общество, понимаемое как образец либеральной системы. Понятие пользы у каждого человека и у социальных групп разное, оно не может быть всеобщим и универсальным, и это приводит изображаемое в рассказе государство к неразрешимым противоречиям и борьбе. «В этих внешних и междоусобных бранях, которые то прекращались на время, то вспыхивали с новым ожесточением, протекло еще много лет. От общих и частных скорбей общим чувством сделалось общее уныние. Истощенные долгой борьбой, люди предались бездействию. Никто не хотел ничего предпринимать для будущего. Все чувства, все мысли, все побуждения человека ограничились настоящей минутой. Отец семейства возвращался в дом скучный, печальный. Его не тешили ни ласки жены, ни умственное развитие детей. Воспитание казалось излишним. Одно считалось нужным – правдою или неправдою добыть себе несколько вещественных выгод» [14, с. 67–68]. Но и нарастающий кризис не смог образумить людей, вместо того чтобы признать ложным основание своего общественного бытия, они в еще большей степени стали настаивать на абсолютном характере критерия пользы, который тем самым превратился в крайний эгоизм.

Люди этого государства, пишет Одоевский, «отыскивая повсюду вину своих несчастий... вздумали, что причина находится в правительстве, ибо оно, хотя изредка, в своих воззваниях напоминало о необходимости помогать друг другу, жертвовать своею пользою пользе общей. Но уже все воззвания были поздны; все понятия в обществе перемешались; слова переменили значение; самая общая польза казалась уже мечтою; эгоизм был единственным, святым правилом жизни; безумцы обвиняли своих правителей в ужаснейшем преступлении – в поэзии. “Зачем нам эти философические толкования о добродетели, о самоотвержении, о гражданской доблести? какие они приносят проценты? Помогите нашим существенным, положительным нуждам!” – кричали несчастные, не зная, что

существенное зло было в их собственном сердце. “Зачем, – говорили купцы, – нам эти ученые и философы? им ли править городом? Мы занимаемся настоящим делом; мы получаем деньги, мы платим, мы покупаем произведения земли, мы продаем их, мы приносим существенную пользу: мы должны быть правителями!” И все, в ком нашлась хотя искра божественного огня, были, как вредные мечтатели, изгнаны из города. Купцы сделались правителями, и правление обратилось в компанию на акциях. Исчезли все великие предприятия, которые не могли непосредственно принести какую-либо выгоду или которых цель неясно представлялась ограниченному, корыстному взгляду торговцев. Государственная пронизательность, мудрое предведение, исправление нравов – все, что не было направлено прямо к коммерческой цели, словом, что не могло приносить процентов, было названо – мечтами. Банкирский феодализм торжествовал. Науки и искусства замолкли совершенно; не являлось новых открытий, изобретений, усовершенствований» [14, с. 68–69].

В своем рассказе Одоевский очень наглядно обозначает противоречие между двумя вариантами развития общества: на основании духовных ценностей, на признании высшей целью человеческого существования духовного совершенствования и на основании материальных ценностей, на признании человека корыстным существом, думающим только о материальном благополучии и индивидуальном преуспеянии.

Почти через двести лет после прозвучавшей в книге Одоевского критики эта проблема остается столь же острой для либеральной теории; об этом свидетельствует полемика, которая разгорелась в западной литературе в связи с возникновением неолиберализма и его стремлением доказать вредность любых форм регулирования свободного рынка. Авторы известного труда «Демократия в беде: международное расследование» [10] приходят к парадоксальному мнению о том, что «триумф неолиберализма», выступавшего в защиту демократии от «тоталитаризма», на деле представляет собой одну из главных угроз демократии. В чем же они видят основной конфликт между демократией и неолиберализмом? Почему, по их мнению, понятия «свободный рынок» и «демократический режим» не связаны между собой с необходимостью, а скорее между ними есть серьезное напряжение?

Массовая популярность идеи о том, что государство не должно вмешиваться в рынок и регулировать его, так как это мешает благоприятному развитию экономики и повышению благосостояния граждан приходится на 70-е гг. XX в. Главными популяризаторами и идеологами неолиберализма считают Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана. Оба стали лауреатами Нобелевской премии по экономике в 1974 г. и 1976 г. соответственно.

Согласно убеждениям М. фон Хайека, сильная социальная политика, вмешательство государства в сферу рыночных отношений дестабилизирует экономику и жизнь общества в целом. В центре любого общества – свободные индивиды, движимые своими интересами (в основном эгоистичными). Столкновения этих интересов являются движущей силой того, что мы называем рыночными отношениями. Вмешательство государства в эти отношения конкуренции и борьбы только мешает нормальному

функционированию этой сферы. Свободный рынок – это саморегулируемая, самокорректирующаяся среда. Ясно и точно сформулировать законы функционирования рынка невозможно. Он является непрозрачной, не рационализируемой до конца системой, в которой правят спрос и предложение. Рынок сам решает, что полезно, а что не полезно обществу, что важно, а что не важно. Только свободный рынок может объединить личностей, движимых, как правило, эгоистичными интересами, в работающую систему [16].

Как такая позиция соотносится с демократией, которая ставит в центр интересы большинства? По этому поводу М. фон Хайек замечает: «Я сомневаюсь, чтобы свободный рынок когда-либо возникал в условиях неограниченной демократии, и нет ничего невероятного в допущении, что неограниченная демократия всегда разрушает рынок там, где он уже существует» [16, с. 398]. Действительно, неолиберальный взгляд на функционирование общества не соответствует представлениям о целях политики в условиях демократии. Политика в демократическом обществе – это рациональная вещь, и действуют здесь ответственные граждане, которые понимают, чего они хотят и к чему стремятся, и ставят осознанные цели, которые формулируются обществом в процессе публичного диалога и обсуждений. То есть, с одной стороны, доктрина неолибералов говорит о непрозрачности, иррациональности рынка, который сам себя регулирует и корректирует, и вмешиваться в него никто не должен. С другой стороны, мы имеем политику – государственную и международную, которая, по сути, должна быть делом рациональным и управляемым, направленным на интересы большинства, которые далеко не всегда соответствуют законам рыночной конкуренции.

Это лишь одно из ряда противоречий, которые возникают между неолиберализмом и демократией. Западные исследователи данного вопроса также отмечают, что в результате нескольких десятилетий неолиберальных реформ сформировался определенный слой людей, который в современной литературе получил название «прекариат» (*фр.* *précaire* – ненадежный, шаткий, зависимый). Это люди, которые имеют шаткое положение на рынке труда: они не имеют стабильной постоянной работы, сильно зависят от работодателя, находятся в постоянном страхе лишиться доходов, не уверены в завтрашнем дне. И в этот класс попадает все большее количество людей. Считается, что незащищенный в экономическом плане прекариат пришел на смену пролетариату, интересы которого в недавней истории активно отстаивались профсоюзами и ассоциациями рабочих. Сегодня наблюдается не только рост количества временных работников, но и снижение показателей членства трудящихся в профсоюзах [4, с. 174–184]. Это означает, что все больше людей оказываются в ситуации постоянной нестабильности, тревоги и неуверенности в своем будущем.

Одновременно происходит (или уже произошла?) настоящая революция в сознании людей: то, что интеллектуалы сегодня называют «супермаркетизацией» или «коммерциализацией» общества. Что имеется в виду? Неолиберализм представляет себе индивида как ответственную, активную, инициативную личность, главная цель которой – отстаивать

свои интересы в свободной конкуренции и соревновательной борьбе, лежащих в основе человеческого общества. Таким образом, базовое качество личности, по мнению сторонников неолиберализма, – быть материально преуспевающим, побеждать, постоянно соревноваться друг с другом. Ответственность за успех или неуспех полностью лежит на плечах индивида. Вмешиваясь в свободную конкуренцию и соревновательную борьбу между людьми, мы нарушаем их личную свободу. Человек является «узлом» компетенций, которые оцениваются рынком. Экономически несостоявшаяся личность должна осознавать свою вторичность в обществе. Вопросы «Кто ты?», «Какова твоя ценность?», «Каков твой вклад?» подводят индивида к ответу на главный вопрос – «Кто ты на рынке?». В результате сегодня мы оцениваем людей по совершенно немислимым для всей истории человечества критериям.

В такой системе координат все меньше остается места для таких вещей, как солидарность, взаимопомощь, идея общего блага, без которых немисливо истинно демократическое общество. Как пронизательно отмечает Шанталь Дельсоль, такой подход также «объясняет успех прагматизма в политике... Правительство принимает реформу, потому что “она работает”, а не исходя из веры в какой-то принцип. “Она работает”, но для того, чтобы прийти куда?» [10, с. 17–18].

Все чаще мы слышим идею о том, что политики должны быть хорошими менеджерами. Так происходит финансиация и экономизация политической сферы. Тем не менее управление государством – это не управление бизнес-проектом или коммерческой организацией, цель которой – максимизация прибыли. Политика не может сводиться к экономике. Политика – это вопросы о целях, смыслах, общем благе, справедливости и солидарности, о том, что мы можем и должны обсуждать в открытых публичных дискуссиях [10, с. 89–115]. Если мы принимаем тот факт, что рынок неконтролируем, что он сам выбирает, куда идти, то мы уходим от политики, от «аристотелевского» понятия ответственного гражданина.

Для неолиберализма человек есть существо, постоянно находящееся в борьбе и конкуренции с другими за «лучшее место под солнцем», однако можно ли признать это качество его главной характеристикой? Было бы странно отрицать соревновательный характер отдельных сфер жизни общества и роль конкуренции в них. Однако будет преувеличением утверждать, что главной движущей силой человека является его желание быть лучшим, побеждать, что все люди по природе своей активны и инициативны, что главной их задачей является удовлетворение личных интересов. Во-первых, не все люди стремятся к конкуренции, не все хотят заявлять о себе и строить свои отношения с другими на основе борьбы и состязательности. Во-вторых, далеко не все готовы и желают проявлять инициативу, быть напористыми и энергичными в общественной жизни. В-третьих, ценность и успешность человека не должна определяться его местом на рынке, его «конвертируемыми в валюту» достижениями. И наконец, неолиберализм принижает и умаляет роль взаимопомощи, солидарности и служения в человеческом обществе. Претворение неолиберальных идей в жизнь приводит к потере веры в эти ценности.

В одной из своих замечательных статей о демократии немецкий философ и социолог Юрген Хабермас пишет: «Статус гражданина, ориентированного на общее благо, не должен приравниваться к статусу потребителя и клиента, преследующего лишь свои собственные интересы» [6, с. 115]. Мы привыкли отождествлять свободный рынок и демократию, но эта точка зрения оказывается совершенно неверной. Демократия – это сложная и весьма многообразная идеология, предполагающая разнообразие ценностей и целей, которые преследуют отдельные группы людей; рынок же – это конкретный механизм организации общественной (экономической) жизни, который подходит только для определенных этапов развития общества и в целом вступает в неразрешимое противоречие с представлением о высших целях и ценностях человеческой жизни.

2

Необходимое условие демократического общества – широкая осведомленность граждан, постоянные общественные дискуссии и свободная циркуляция идей в публичной сфере. Именно поэтому первая поправка к конституции Соединенных Штатов Америки, страны-первопроходца в деле построения демократии, направлена на защиту свободы слова. Отцы-основатели США придавали особое значение праву граждан на свободу собраний и печати. Сфера свободного формирования мнения и волеизъявления объединяет государство и гражданское общество. Но является ли принцип полной осведомленности граждан о состоянии дел своего общества и государства необходимым и полезным для либеральной идеологии? Русские критики западного либерализма уверенно отвечали отрицательно на этот вопрос.

Весьма показательным, что наиболее резко на эту тему писал Б.Н. Чичерин, первый и главный теоретик русского либерализма. Его критика в адрес западного классического либерализма показывает, насколько русская разновидность этой политической теории далека по своим философским основаниям и по конкретным политическим следствиям от своего западного прообраза.

Рассматривая «базовую» форму либеральной идеологии, которую создали философы французского Просвещения, Чичерин констатировал, что полное знание простыми гражданами ситуации в своем государстве невозможно, и даже если бы оно было возможным, вряд ли оно было бы полезным для либеральной системы правления. Ведь, согласно либеральной теории, правители должны все свои усилия направлять на благо подданных, подданные же склонны всегда переоценивать негативные факты своего бытия и недооценивать заслуги правителей в их благополучном и свободном существовании. А поскольку народ рассматривается в этой теории как абсолютный источник власти, недовольство значительной группы людей своими правителями неизбежно ведет к требованию их смены, и, если эта группа недовольных достаточно организована, она вполне способна добиться такой смены, т.е. привести общество к революции. В итоге Чичерин делает достаточно известный вывод о том, что по своей сути либеральная теория не в состоянии обеспечить устойчивость власти и превращается в теорию непрерывных революций: «По этой теории, всякое правительст-

во исходит от народа, который, не правя сам, всегда сохраняет власть смеяться неугодных ему правителей. Но тут, очевидно, господствует полное смешение всех политических понятий. Над законными, организованными и постоянно действующими властями ставится воображаемая власть, не имеющая никакой организации и проявляющаяся единственно в восстании и разрушении» [17, с. 59].

Осознав это радикальное противоречие в основаниях своего учения, родоначальники классического либерализма попытались преодолеть его негативные последствия с помощью идеи манипулирования убеждениями граждан, через принуждение к единству с помощью внушения гражданам исключительно положительного отношения к правителям и к установленной системе правления. Называя этот метод поддержания устойчивости в обществе «воспитанием народа», философы Просвещения полагали, что правители должны использовать все доступные им средства для внушения подданным мнения, что они живут в самом совершенном обществе и не имеют причин быть недовольными своим существованием и системой правления. В этом контексте Чичерин особенно выделял точку зрения П. Гольбаха, который в самой откровенной форме проводил эту логику превращения либерального «государства свободы» в крайнюю форму тирании (тоталитаризма, если использовать современную терминологию): «Источник противоречия лежит, с одной стороны, в необходимости, а с другой – в невозможности, с точки зрения индивидуализма, подчинить личное начало общественному. Поэтому Гольбах, так же, как и другие философы этой школы, начинает с абсолютных прав человека, несовместных ни с каким государственным бытом, а кончает полным подчинением лица обществу» [17, с. 167]. Эта тенденция, продолжает Чичерин, наглядно выступает в рассуждениях П. Гольбаха о сущности политики: «Политика, говорит Гольбах, есть искусство управлять людьми или заставлять их содействовать сохранению и благосостоянию общества. «Каждый член общества стремится к счастью по-своему. Часто он не согласен с самим собою, движения его разнообразны, он идет неверною поступью и колеблется на каждом шагу вследствие различных и часто противоположных толчков, которые направляют его в разные стороны. Дело правительства – сообщать ему полезные движения и поддерживать его в данном направлении”... Добрый государь может все над умами подданных» [17, с. 181–182] (в кавычках внутри цитаты – высказывание из трактата П. Гольбаха «Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления»). Конечно, при этом правитель должен действовать на подданных не грубой силой, что вызовет очевидное противодействие, а с помощью указанного выше незаметного «воспитания народа».

В современной теории демократии массмедиа признаются эффективными до тех пор, пока журналисты осуществляют свою деятельность в рамках свободной и независимой медиасистемы. Редакционная независимость массмедиа от давления со стороны акторов, обладающих политической, экономической или социальной властью, провозглашается необходимым условием. «В идеале», «в теории» основная цель средств информации – дать гражданам полное знание общественной ситуации,

представлять различные мнения и позиции на общезначимые спорные вопросы, вести публичную дискуссию, руководствуясь стремлением прийти к общему согласию. Публичная сфера – это то пространство, где истина может быть найдена посредством максимально полного и свободного сравнения противоположных мнений [13, с. 33–107].

Но как это часто бывает в истории человечества, хорошие и «правильные» идеи сталкиваются с серьезными проблемами на пути их реализации. Сегодня большинство думающих и внимательно наблюдающих за происходящим людей сходятся во мнении о том, что сфера политической коммуникации далеко не соответствует сформулированному идеалу. К главным угрозам, «патологиям» публичной сферы исследователи относят процесс ее унификации, а также совершенствование техник манипуляций и пропаганды на основе новейших технологий и достижений когнитивных наук [10, с. 282–575]. Круг «дозволенных» тем постоянно сужается, все больше вещей не входят в поле публичного обсуждения. Становится общепризнанным фактом зависимый характер СМИ и, как следствие, их необъективность и предвзятость. Все громче слышны обвинения в адрес влиятельных интеллектуалов и массмедиа в том, что они стоят на службе у неолиберальной элиты. Частные газеты, радиокomпании и телеканалы – такие же предприятия, как и все остальные. В связи с этим собственники могут использовать свою власть в качестве предпринимателей, чтобы конвертировать медиавласть непосредственно в политическое влияние.

Исследователями также отмечается, что несмотря на включение все большего количества граждан в круговорот массовой коммуникации, серьезное беспокойство вызывают новые способы информирования, а также изменения в формах подачи информации. Все большее число людей отдают предпочтение электронным медиа, и, как показывают результаты исследований, они склонны меньше доверять политике и занимают по отношению к ней скорее циничную позицию. Потребление радио- и телеконтента только усиливает чувства бессилия, апатии и равнодушия к политической сфере. Все более массовый характер приобретает настрой на частную жизнь и антиполитические установки [9, с. 8–9]. Искать причины отчуждения граждан от политики в данном случае правильнее в форме и содержании политической коммуникации, а не в парализованном состоянии гражданского общества.

Американский политолог Том Николс, исследуя влияние новых технологий на публичную сферу, пишет: «Потребители ждут, чтобы... информационное пространство заполнялось мгновенно и обновлялось непрерывно. В этой сверхконкурентной медийной среде у редакторов и продюсеров уже не хватает терпения – или финансовых возможностей – позволять журналистам расширять и наращивать свою профессиональную компетентность или углублять знания относительно конкретного предмета» [5, с. 30]. В своей книге Т. Николс призывает обратить внимание на проблему растущей враждебности к экспертным суждениям и традиционным знаниям. Ученый отмечает твердое убеждение современных людей в том, что каждое мнение по любому вопросу так же хорошо, как любое другое. Такое положение дел, по его мнению, угрожает мате-

риальному и общественному благополучию граждан в демократическом обществе. «Даже самый заботливый родитель, самый информированный покупатель и самый сознательный избиратель не способны справиться с потоком информации обо всем, от детского питания и безопасности продукта до торговой политики» [5, с. 44]. Эксперты обществу нужны, но также необходимо и доверие людей к ним.

С появлением Интернета, казалось, человечество наконец получило истинно свободное пространство, доступное абсолютно всем, для обмена идеями и мнениями, для распространения знаний, для открытых дискуссий и дебатов – то, без чего немислимо здоровое демократическое общество. Такие надежды были распространенным явлением как среди интеллектуалов, так и в среде широких масс населения. «Действительно, Интернет, возможно, величайший источник надежды на воссоздание открытой коммуникационной среды, в которой демократический диалог будет процветать... Он [Интернет. – *Авт.*] обладает огромным потенциалом установления связей не только между индивидами, но и между индивидами и миром знаний... Важная особенность Интернета состоит в том, что он не просто еще одна трибуна для распространения правды. Это место для поиска истины... это трибуна разума» [1, с. 397]. Сегодня высказанное в 2007 г. мнение бывшего вице-президента США Альберта Гора выглядит как минимум наивным.

Несмотря на то, что Интернет действительно является богатейшим хранилищем знаний, сегодня он превратился в средство распространения дезинформации. Т. Николс очень ясно формулирует смысл возникающей здесь проблемы: «Интернет не только отупляет многих из нас, он делает нас более жестокими: сидя в одиночестве за клавиатурой, люди склонны больше спорить, чем обсуждать, и больше оскорблять, чем слушать» [5, с. 32]. Далее он замечает: «Сам факт поиска информации [в Интернете. – *Авт.*] заставляет людей думать, что они что-то узнали, когда на самом деле они, скорее всего, просто глубже погрузились в море данных, которые они не способны интерпретировать» [5, с. 187–188].

Любой общественно важный феномен, любая дата, любое событие мгновенно обрастают многочисленными, часто не связанными между собой фактами (достоверность которых нередко вызывает сомнения), а также противоположными интерпретациями этих фактов, что создает ложную информированность или иллюзию информированности. Другими словами, мы знаем факты, но, несмотря на это, не можем понять, что происходит (яркий пример – освещение в медийной сфере пандемии коронавирусной инфекции). Мы привыкли скользить по новостным лентам и читать по диагонали, особо не вникая в суть проблемы. Но именно такое положение дел создает ситуацию управляемости, которой пользуются заинтересованные в этом круги.

Формально людям предлагается выбирать власть, бороться за демократические ценности, предлагают быть зрелыми, ответственными гражданами, активно участвующими в политической жизни страны, что, несомненно, подразумевает информированность и осведомленность по ключевым общественно важным дискуссиям и проблемам. Возникает вопрос о том, возможна ли демократия в условиях, когда большинство

граждан не способно разобраться в основных процессах и событиях, происходящих в стране, когда потоки информации блокируют способность людей оценивать и давать адекватные интерпретации событиям и явлениям общественной жизни. Если к этому добавить давление и сознательные манипуляции, оказываемые на публичную сферу влиятельными кругами, как экономическими, так и политическими, в интересы которых не входит самостоятельно мыслящий гражданин, то с неизбежностью можно прийти к выводу о том, что демократия, действительно, подошла к опасной черте, за которой она превращается в свою противоположность.

Сегодня как никогда раньше встал вопрос о необходимости обратить внимание на уровень образованности, компетентности и зрелости граждан. При возросшем количестве информации и ее доступности мы вынуждены констатировать постепенную потерю способности людей самостоятельно мыслить, оценивать и интерпретировать факты, соединять их между собой, выстраивать причинно-следственные связи. Это непростая задача, которая требует участия всего общества: политической и интеллектуальной элиты, экспертов и каждого отдельного гражданина. «Правящие элиты и эксперты должны помнить о том, что они слуги, а не хозяева в демократическом обществе... но если граждане – хозяева, то они должны обеспечить себе не только должный уровень образования, но и определенную степень гражданской ответственности, чтобы полноценно участвовать в управлении собственной страной» [5, с. 355].

3

Продолжая критическое рассмотрение западного либерализма, Чичерин в труде «История политических учений» обращается к наиболее проработанной форме либерального учения, которую дал Ж.-Ж. Руссо. Здесь Чичерин находит еще более радикальное внутреннее противоречие, связанное с тем, что Руссо прекрасно понимает необходимость сделать государство не просто формально единым образованием, но «единым телом», полностью подчиняющим себе отдельных граждан. Он видит, что в противном случае невозможно избежать противоречий между желаниями и устремлениями людей, разрушающими целостность государства. Но поскольку Руссо, как и все родоначальники западного либерализма, не признает глубинного *духовного* единства индивидов, он не может представить себе иного пути для создания государственного единства, как принуждения воли отдельной личности к повиновению «общей воле» народа. «Как все философы индивидуальной школы, Руссо понимал человека единственно как особь, а потому приписывал ему от природы неограниченную свободу. Но вместе с тем он понял, что сохранение какой бы то ни было части естественной свободы в общегитии невозможно: признание неотчуждаемых прав человека ведет к анархии, к преобладанию частных интересов над общими и, наконец, к разрушению политического тела. Он понял, что необходимое условие существования государства заключается в полном подчинении членов и в пожертвовании личных интересов общественным. Поэтому он задал себе задачу построить искусственное тело, способное изменить природу человека, превра-

тивши самобытную особь в нераздельного члена единого целого... Волею или неволею, приходится видеть в рабстве условие свободы» [17, с. 231].

До какой радикальной формы можно дойти в попытках устранить опасности, кроющиеся для либерального государства в произволе отдельной личности, Руссо показал в своем сочинении «Соображения о правлении Польши» (1772). Не отказываясь от идеи свободного волеизъявления граждан через подачу голосов на выборах или референдуме, он посчитал необходимым дать защиты государству от «злоупотреблений» в ходе выборного процесса: «...общество должно быть ограждено от своевольного нарушения общественных интересов со стороны его членов. Невозможно терпеть, чтобы один человек мог безнаказанно поставить государство в безвыходное положение. Поэтому тот, кто своим голосом остановил общее решение, должен быть по истечении некоторого времени, когда улеглись страсти, подвергнут строгому суду и ответственности. Если он будет найден виновным, он должен быть предан смерти без всякого милосердия; если же, напротив, окажется, что его мнение клонилось к пользе народа, ему должны быть присуждены пожизненные почести. Среднее между тем и другим не допускается» [17, с. 233]. Эта мысль Руссо, пересказанная Чичериным, имеет в виду, что никакой тайны голосования он не признает, более того, после выявления «общей воли» народа он требует сурового наказания для всех тех, чьи голоса оказались в противоречии с «общей волей».

Все это демонстрирует наличие неразрешимого противоречия между идеей абсолютности индивидуальной свободы, из которой исходит либерализм, и требованием целостности государственного «тела», без которого невозможно нормальное развитие народа. «Руссо хотел, чтобы личная воля каждого непосредственно участвовала в общих решениях; последствием было то, что человек должен был всецело отдать себя государству, которое получало неограниченную власть над его лицом, над имуществом, над его жизнью и мыслью. Это было очевидное противоречие основному началу; в результате выходило, что свобода может сохраняться единственно отречением от себя самой. У Руссо это противоречие принимало особенно опасный характер. Личная независимость у него исчезала, свобода оставалась только как владычество массы, вооруженной абсолютным правом и не признающей ничего вне себя. Плодом подобного учения могло быть только установление самого страшного деспотизма во имя свободы» [17, с. 236–237].

Трактат Руссо «Об общественном договоре» с его центральной идеей о неотчуждаемом праве народа на верховную власть в государстве остается до наших дней своего рода «Библией» либерализма. И можно уверенно утверждать, что превращение либерального государства в «народную тиранию», о чем писал Чичерин полтора века назад, становится будничной реальностью современных западных государств. Послушаем, что говорят об этом современные западные критики либерализма.

Как утверждают авторы книги «Демократия в беде: международное расследование» [10], все больше оставляя рынок вне контроля, государство занимает место ярого блюстителя в сфере морали и контроля над поведением людей, что, по идее, должно быть в зоне личной ответственности и

личного выбора человека. В теории демократия защищает свободу мысли и поступка как одну из своих базовых ценностей, в реальности же эта сфера все более подвержена политическому и государственному контролю.

Кажется очевидным, что есть разница между моральным и государственным законами. При этом на наших глазах в самых передовых демократических странах мира уничтожается то, что считается одним из главных завоеваний западной цивилизации: правда Антигоны как никогда уступает натиску Креонта: «Правителю должны повиноваться в большом и малом, в правом и неправом» [15, с. 77–78]. В связи с этим Ш. Дельсоль пронизательно замечает: «Часть наших сограждан убеждена в том, что то, что законно, то и морально. Достаточно того, чтобы государством был принят закон, позволяющий что-то, чтобы это дозволенное было тут же маркировано ценностно правильным, благим (*un label du Bien*)» [8, с. 177]. Пытаясь найти этому объяснение, Ш. Дельсоль приходит к выводу о том, что сегодня мы не способны быть антигонами: мы не готовы пойти против того, что нам кажется неверным и несправедливым. По ее мнению, это происходит потому, что сегодня просто откуда взяться понятию «правильное», так как альтернативные источники морали – религия и традиции – отрицаются в качестве таковых [8]. Такое положение прямо напоминает состояние общества при тоталитаризме, в котором государство думает и принимает решения за своих граждан. В такой системе тот, кто не следует ценностным стандартам господствующей идеологии, признаваемой единственно верной и не поддающейся сомнению или дискуссиям, презираем в обществе.

Живя в «демократическую эпоху», западный человек привык слышать о том, что его права и свободы (среди которых свобода совести, подразумевающая право самостоятельно формировать свои убеждения) защищены законом от каких-либо посягательств и находятся в зоне личной ответственности каждого индивида. Однако события наших дней предоставляют немало противоречащих этой аксиоме примеров. Оказывается, убеждения и волеизъявления людей могут признаваться как «правильными», так и «неправильными». Оказывается, большинству, которое является носителем власти в демократическом государстве, свойственно ошибаться, и в таком случае его решения признаются недействительными, или подвергаются ожесточенной критике и презрению. Логично поставить вопрос о том, кто сегодня решает, что считать «правильным», а что «неправильным», кто устанавливает «моральный канон». Если ошибается большинство, значит, «правда» находится в руках некоего меньшинства, которое выносит вердикт.

Сомнительно, что общество может существовать в полной классовой идиллии. С самых древних времен всегда было и остается поныне деление людей на немногочисленную элиту и большинство. Отношения между ними складывались, мягко говоря, напряженно. Взаимное недоверие и пренебрежение никуда не исчезло и сегодня, более того, разрыв и напряжение между ними, скорее, только увеличиваются. В демократическом обществе, где граждане выбирают своих представителей, которые правят от их имени и в их интересах, такой раскол воспринимается и переживается особенно остро.

В уже упоминавшемся труде «Демократия в беде: международное расследование» многие авторы статей обращают внимание на нежелание большинства принимать навязываемый ему правящими элитами глобалистский проект, который включает в себя идеи рыночной экономики и рыночного мышления, размывание государственного суверенитета под натиском международных организаций и транснациональных корпораций, «обновленное» понятие прав человека. Ратификация Лиссабонского договора без проведения референдума (из всех стран, входящих в ЕС только в Ирландии правящие круги осмелились узнать мнение своих сограждан по данному вопросу), противостояние швейцарцев законопроекту о строительстве минаретов, победа Дональда Трампа и Brexit – это только некоторые примеры «сражений» между правящими элитами и большинством. При этом, отмечается, основные противоречия носят идеологический характер, т.е. борьба идет на уровне мировоззрения, миропонимания и ценностей [10, с. 595–767].

Британский журналист и автор мировых бестселлеров Дуглас Мюррей в своей на шумевшей книге «The Madness of Crowds: Gender, Race and Identity» («Сумасшествие масс: гендер, раса и идентичность»), пытаясь осмыслить эту «идеологическую войну» элит против большинства, пишет: «...цель [этой войны. – *Авт.*] – внедрить новую метафизику в наши общества: новую религию, если хотите» [11, с. 2]. Автора особенно беспокоит безапелляционный, агрессивный, не терпящий альтернатив и инакомыслия характер насаждения «новой религии» массам. По его глубокому убеждению, свобода слова (в первую очередь свобода печати и средств массовой информации) и свобода совести находятся сегодня под угрозой уничтожения. Какие-либо проявления несогласия и нежелания следовать навязываемой идеологии тут же подвергаются ожесточенной критике в ведущих СМИ (в связи с этим показательны обвинения в популизме и во всевозможных фобиях)¹.

С ним солидарна Ш. Дельсоль. По ее мнению, современная «постмодернистская» правящая элита, в руках которой находятся 80% западных массмедиа, целенаправленно и агрессивно насаждает свое космополитическое мировоззрение массам. Вместо открытого диалога и честных дискуссий по общественно важным идейно-ценностным вопросам и проблемам, выбор делается в пользу их замалчивания или изъятия из общественного дискурса под флагами политкорректности и толерантности. Несогласие или иная точка зрения по отношению к позиции, получившей одобрение ведущих СМИ, приравнивается к лжи или дезинформации [8, с. 161–179]. При этом искусственно создается «правильная» повестка дня, целью которой является отвлечение людей от действительно насущных проблем, стоящих перед обществом (например, растущий разрыв между богатыми и бедными). Таким образом в публичной сфере табуируются и блокируются «нетолерантные», «неполиткорректные», «лишние» темы.

¹ Показательны известные всем примеры цензуры «идеологически неправильных» страниц и каналов со стороны Facebook, Youtube, Twitter и Google, позиционирующих себя как открытые для всех мнений и взглядов публичные площадки. Подробнее об этом см.: [11, с. 110–120].

В связи с этим уместно привести определение политической корректности социолога и философа Л. Ионина. Он определяет ее как «идеологию современной массовой демократии, служащей, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса» [3, с. 37–38]. Далее он замечает: «Вообще, дух политкорректности выразим в простой формуле: *истина относительна*. Политкорректность не предполагает стремления к истине. Истина ее просто не интересует. Ее задача – обеспечение толерантности, или терпимости, даже в отношении того, что заведомо неистинно» [3, с. 40]. С первого взгляда может показаться, что такая позиция как раз обеспечивает равные права и уважение к разным взглядам и мнениям. Однако российский философ скорее призывает нас обратить внимание на пагубность принципа относительности истины в науке (куда толерантность и политкорректность также активно проникают)¹, а также, что не менее важно, в вопросах морали и нашей способности судить о добре и зле.

Становится очевидным, что навязываемый политическими и экономическими элитами глобалистский проект мультикультурализма, космополитизма, многообразия и политкорректности по природе своей не терпит никакого многообразия и крайне нетерпим по отношению к нежелаемым его принимать. Как назвали его в своей Парижской декларации известные и уважаемые во всем мире ученые и гуманитарии Европы, это – «мягкая, но реальная тиранья» [7]. Показательно то, что данная декларация, составленная и подписанная пятнадцатью выдающимися интеллектуалами, в которой они выражают свою озабоченность и беспокойство за будущее Европы, осталась абсолютно без внимания со стороны средств массовой информации (что нетрудно объяснить: ведь она не вписывается в допускаемые «одобренные» рамки глобалистского проекта).

От того, как современное западное общество ответит на эти серьезные вызовы сегодня, зависит, какие ценности, форму и содержание оно будет иметь завтра.

Литература

Исследования

1. Гор А. Атака на разум. СПб.: Амфора, 2008.

¹ Пожалуй, сегодня «передовой» страной в этом плане является Канада, в которой проводится политика внедрения в научные дисциплины (например, как в приведенной статье, в физику) знаний коренных народов (*indigenous knowledges*). Интересны темы, предложенные студентам канадских университетов для научно-исследовательской работы, среди которых, например, следующая: «Взгляды физиков на колониализм в науке» (*Physicists' views on colonialism in science*). Также авторы статьи видят вопиющую несправедливость в том, что в изучении света в физике на первом месте стоят такие имена, как Исаак Ньютон, Макс Планк и Альберт Эйнштейн, – все они представители западной мысли. По их мнению, физика не существует сама по себе и сегодня нуждается в деколонизации и уничтожении иерархии, которая в ней, по их мнению, скрывается [12].

2. *Евлампиев И.И.* Русская философия о либеральной цивилизации // Русская философия. 2021. № 1. С. 60–77.
3. *Ионин Л.Г.* Апдейт консерватизма. М.: Высшая школа экономики, 2010.
4. *Крауч К.* Как сделать капитализм приемлемым для общества. М.: Высшая школа экономики, 2016.
5. *Николс Т.* Смерть экспертизы: как Интернет убивает научные знания. М.: Эксмо, 2019.
6. *Хабермас Ю.* Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012.
7. A Europe We Can Believe In. The Paris Statement. URL: <https://thetrueeurope.eu>.
8. *Delsol Ch.* La haine du monde: totalitarismes et postmodernité. Paris: Les éditions du Cerf, 2016.
9. Discourses of (De)Legitimization: Participatory Culture in Digital Contexts / Eds.: A.S. Ross, D.J. Rivers. Routledge, 2019.
10. La démocratie dans l'adversité: enquête internationale / Eds.: Ch. Delsol, G. de Ligio. Paris: Les éditions du Cerf, 2019.
11. *Murray D.* The Madness of Crowds: Gender, Race and Identity. Bloomsbury: Continuum, 2019.
12. *Swaminathan E.* 3 Concordia researchers collaborate to engage Indigenous knowledges in the study of physics // Concordia university. URL: <https://www.concordia.ca/news/stories/2019/09/20/3-concordia-researchers-collaborate-to-engage-indigenous-knowledges-in-the-study-of-physics.html>.

Источники

13. *Милль Дж. Ст.* О гражданской свободе. М.: Либроком, 2017.
14. *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л.: Наука, 1975.
15. *Софокл.* Антигона. М.: Аграф, 2016.
16. *Хайек Ф.А.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.; Челябинск: Социум, 2020.
17. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. В 3 т. Т. 2. СПб.: ПХГА, 2008.

Shakhova, Daria S., & Evlampiev, Igor I. *Modernity and Russian critics of liberal civilization*

References

1. Gor, A. (2008), *Ataka na razum* [Attack on the Mind], Amfora, St. Petersburg (in Russian).
2. Evlampiev, I.I. (2021), Russian philosophy about liberal civilization, *Russkaya filosofiya*, no. 1, pp. 60–77 (in Russian).
3. Ionin, L.G. (2010), *Apdeyt konservatizma* [Conservatism Update], Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow (in Russian).
4. Crouch, K. (2016), *Kak sdelat' kapitalizm priemlyemym dlya obshchestva* [Making Capitalism Fit for the Society], Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow (in Russian).
5. Nichols, T. (2019), *Smert' ekspertizy: kak Internet ubivaet nauchnye znaniya* [The Death of Expertise. The Campaign Against Established Knowledge and Why it Matters], Eksmo, Moscow (in Russian).

6. Habermas, Yu. (2012), *Akh, Evropa. Nebol'shie politicheskie sochineniya, XI* [Ah, Europe. Small Political Essays, XI], Ves' mir, Moscow (in Russian).
7. *A Europe We Can Believe In. The Paris Statement*, URL: <https://thetrueeurope.eu>.
8. Delsol, Ch. (2016), *La haine du monde: totalitarismes et postmodernité*, Les éditions du Cerf, Paris.
9. Ross, A.S., & Rivers, D.J. (eds.) (2019), *Discourses of (De)Legitimization: Participatory Culture in Digital*, Routledge.
10. Delsol, Ch., & Ligo, G. de (eds.) (2019), *La démocratie dans l'adversité: enquête internationale*, Les éditions du Cerf, Paris.
11. Murray, D. (2019), *The Madness of Crowds: Gender, Race and Identity*, Continuum, Bloomsbury.
12. Swaminathan, E. 3 Concordia researchers collaborate to engage Indigenous knowledges in the study of physics, *Concordia university*, URL: <https://www.concordia.ca/news/stories/2019/09/20/3-concordia-researchers-collaborate-to-engage-indigenous-knowledges-in-the-study-of-physics.html>.